

УДК 364.14:316.42

Щекотин**Евгений Викторович,**

кандидат философских наук,

младший научный

сотрудник Лаборатории

наук о больших данных

и проблемах общества

Томского государственного

университета,

Россия, 634050, г. Томск,

пр. Ленина, 36.

E-mail: evgvik1978@mail.ru

**ПРОБЛЕМА БЛАГОПОЛУЧИЯ В ТУРБУЛЕНТНОМ
СОЦИУМЕ: АСПЕКТ БЕЗОПАСНОСТИ
THE PROBLEM OF WELL-BEING IN A TURBULENT
SOCIETY: ASPECTS OF SECURITY**

Е.В. Щекотин

E.V. Shchekotin

Томского государственного университета, Россия

Tomsk State University, Russia

E-mail: evgvik1978@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена социальными процессами и явлениями, происходящими в современном мире, а именно ростом нестабильности и неустойчивости в природе, обществе и техносфере. В этой связи возникает необходимость обновления категориального аппарата, которым оперируют исследователи современного мира. **Цель исследования:** анализ содержания категории «благополучие» в условиях современного мира. Для этого вводится концепт турбулентного социума, объединяющий в себе фундаментальные изменения социальной реальности, которые произошли в последние десятилетия и которые позволяют говорить о новой форме социальной организации, пришедшей на смену проекту Модерна. **Методы исследования:** общелогические методы (анализ, синтез, сравнение), а также методы критического, дискурсивного и исторического анализа, с помощью которых рассмотрены центральные понятия для осмысления современности (благополучие, безопасность, государство и т. д.). **Результаты.** Проанализированы понятия «поток» и «турбулентность», определяющие онтологическую картину современного общества. Показано, что в эпоху Нового времени основным субъектом управления благополучием становится государство. В связи с этим указывается, что аутентичное значение «благополучия», которое восходит к античной философии, было утрачено. Тенденция на ослабление национального государства негативно отражается на благополучии граждан. Сложившаяся ситуация рассматривается на примере проблемы безопасности, которая в современном обществе становится не только политической проблемой, но и социальной. В качестве альтернативы существующему подходу к решению проблемы благополучия предлагается концепция, в основе которой лежит практика «заботы о себе».

Ключевые слова: безопасность, благополучие, «забота о себе», турбулентность, турбулентный социум.

Relevance of the research is caused by social processes and phenomena occurring in the modern world, namely the growing instability and imbalance in nature, society and technosphere. This raises the need for renovation of the categorical apparatus, which is operated by the researchers of the modern world. **The main aim** of the study is the content analysis of the category of «welfare» in the modern world. This introduces the concept of «turbulent society», combining the fundamental changes of social reality that have occurred in recent decades and which allow talking about a new form of social organization, which replaced the Modernist project. **Research methods:** general logical methods (analysis, synthesis, comparison), as well as methods for critical, discursive and historical analysis, used for considering the concepts (well-being, security, government, etc.), central to the modernity discourse. **Results.** The author has analyzed the concept of «flow» and «turbulence» that define the ontological picture of modern society. It is shown that in the era of the New time, the state becomes the main subject of management of welfare. In this regard, it is specified that the authentic meaning of «well-being», which dates back to the ancient philosophy, has been lost. The trend in weakening the national State adversely affects the welfare of citizens. The current situation is considered on the example of security problem, which is not only a political problem but also a social one in modern society. As an alternative to the existing approach to solving the problem of well-being, the author proposes the concept based on the «self-care» practice.

Key words: security, well-being, «self-care», turbulence, turbulent society.

Социальная турбулентность

Термин «турбулентность» по отношению к современным социальным процессам стал активно использоваться на рубеже 2000–2010-х гг. Представители социальных и экономических наук заговорили о «турбулентных временах» и «турбулентном мире» (например, [1–4]). Однако само понятие турбулентности применительно к явлениям социального мира («социальной турбулентности») еще не получило четкого определения. Между тем это понятие обладает значительным эвристическим потенциалом для репрезентации сложных образов современного мира. По нашему мнению, можно говорить о становлении новой формы общественной организации – «турбулентного социума». Сегодня существует большое разнообразие теоретических моделей, которые подчеркивают тот или иной аспект современного сложного мира. Одно только перечисление этих концепций может занять значительную часть статьи. Наиболее известные в этом ряду – концепция постиндустриального общества, информационного общества, общества знания, общества риска, общества постмодерна, теория глобализации и т. д.

Сам факт большого разнообразия такого рода теоретических моделей, которые приходят на смену друг другу в актуальных дискуссиях вокруг интерпретации трансформаций и направленности движения современного мира, свидетельствует о том, что существует необходимость создания интегрального концепта, который позволил бы зафиксировать эти изменения на фундаментальном уровне. Концепт «турбулентного социума» позволяет определить онтологические основания того разнообразия явлений, которое находит выражение в многочисленных теориях современности.

Понятие турбулентности (от лат. *turbulentus* – бурный, беспорядочный) пришло из естественных и технических наук (доступное изложение истории этого понятия представлено в работе Дж. Глейка [5]). Этим термином обозначают явления, происходящие в потоках жидкостей и газов, которые связаны с образованием вихрей различных размеров. Вследствие такого вихреобразования поведение потоков становится хаотическим и нерегулярным [6]. Другими словами, турбулентность представляет собой «полную неупорядоченность при всех масштабах, крошечные вихри внутри огромных водоворотов <...>. Она суть беспорядочное движение» [5]. Таким образом, для определения социальной турбулентности как теоретического концепта важно подчеркнуть две характеристики этого явления: движение (поток) и беспорядок (неустойчивость).

В социальных науках концепт «турбулентность» важен, прежде всего, как метафора для обозначения различных форм неустойчивости и неопределенности, которые имеют место в современном мире. «Турбулентность» в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока» [4]. Однако недостаточно просто зафиксировать нестабильное состояние мировой системы, необходимо также разобраться в причинах этого состояния. Метафора турбулентности обозначает не только крайнюю нестабильности, но она предполагает существование особого типа объектов – потоков. Новую форму организации социальной жизни, которая возникает на основе онтологии потоков, «текучей» онтологии, мы и будем называть турбулентным социумом. Целый ряд социологов (М. Кастельс, Дж. Урри, С. Лэш, А. Аппадурай) в конце прошлого века стали активно использовать термин «поток» как пространственную характеристику, акцентирующую внимание на подвижности, мобильности людей и объектов, проницаемости границ [7]. «Поток» в таком контексте фиксирует факт возросшей скорости циркуляции различных объектов (людей, товаров, знаков) и связанные с этим ускорением социальные изменения.

Другая, более фундаментальная трактовка понятия «поток» рассматривает его как особую реальность, которая конституирует специфический тип объектов – «текущие объекты» (Дж. Ло [8]), «множественное тело» (А. Мол [9]), «объекты-сети» (Б. Латур [10]) и т. д. Эта особая потоковая, текучая реальность является первичной по отношению к миру стабильных объектов, поэтому последние предстают как временная конфигурация подвижных «сущностей». Наблюдаемые объекты в этой перспективе предстают как сложные конструкции – ассамбляжи, сборки, гибриды, киборги, сети и т. п. Поток как онтологическое понятие характеризуется такими свойствами, как изменчивость и темпоральность [11]. В этом смысле поток близок к понятиям процесса и становления в реляционной онтологии А.Н. Уайтхеда [12] и онтологии различия Ж. Делеза [13] (взаимосвязь между постструктуралистской философией и такими понятиями неклассической научной картины мира, как «хаос» и «нелинейность» представлена в работах Я.И. Свирского [14], Л.А. Марковой [15] и т. д.).

Турбулентный социум

Метафору потока использует также З. Бауман в своей концепции «текучей современности» [16]. Бауман отмечает, что метафора «текучести» или «жидкого состояния» является наиболее подходящей для того, чтобы понять характер современных изменений. Бауман усматривает генезис «текучего» состояния мира в самой идее проекта Модерна, которая несет призыв «расплавлять твердые тела». «Твердое тело» в этом контексте обозначает застывшие формы социального, которые сопротивляются преобразовательному порыву Модерна и потому являются препятствием на пути к более совершенному и справедливому обществу. Идейным основанием этой практики «плавления твердых тел», под которыми подразумевались стабильные социальные объекты и институты (семья, труд, государство, религия, индивидуальность и т. д.), являлось требование деконструкции устаревших, отживших структур и замены их новыми, более прогрессивными, более рациональными структурами, т. е. в конечном смысле более «твердыми».

Таким образом, согласно Бауману истоки текучего состояния мира скрыты в самой внутренней логике проекта Модерна. Но на смену старым институтам и паттернам поведения не приходят новые, более совершенные: «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» [16]. «Разжижение» «твердых тел», конституировавших порядок прежнего, традиционного общества, приводит к нарастанию социальной турбулентности, поэтому турбулентный социум является обществом с высоким уровнем риска [4]. Нестабильность и неопределенность создают новые возможности для развития и успеха, но в то же время генерируют высокий уровень риска, причем вероятные последствия реализации этого риска грозят катастрофой всему человечеству.

Таким образом, турбулентный социум – это особый тип общественных отношений, который приходит на смену идеологии Модерна. Этот проект пока не артикулирован в виде целостной концепции, эту работу еще предстоит проделать. Начиная с середины XX в. модернизм как идеология преобразования мира и эмансипации человека переживает кризис. Важнейшим открытием социально-философской мысли XX в. стало понимание амбивалентности Модерна: каждый успех на пути к «хорошей жизни» и процветанию имеет свою цену, оборотную сторону. Эта «темная» сторона Модерна возникает как естественное следствие последовательной реализации его принципов. До какого момента цена прогресса была не столь велика, чтобы перевешивать его возможные достижения,

однако после всех исторических перипетий прошлого века с этими негативными последствиями нельзя не считаться. Поэтому сегодня имеют место столь полярные оценки современного общества – от предсказания новой технократической утопии всеобщего процветания до самых мрачных предсказаний гибели и полного исчезновения человечества как биологического вида. Здесь мы не будем подробно останавливаться на обзоре всех кризисных явлений Модерна, важно зафиксировать тот факт, что в результате реализации модернистского проекта человечество оказалось в мире, структуру которого определяют совершенно иные, незнакомые нам онтологические формы.

Фундаментальной характеристикой турбулентного социума является то, что оно допускает существование только нестабильных, текучих, изменчивых объектов. Эта текучесть относится и к тем социальным образованиям, которые являются основополагающими для конструирования жизненного мира человека – государство, семья, труд, тело и т. п. Кризис Модерна поставил под вопрос действенность различных универсальных схем мышления и поведения. Хаотические нелинейные процессы, которые оказывают решающее влияние на жизнь современного человека, невозможно редуцировать к универсальным правилам – чтобы ими научиться управлять требуется более «тонкая» настройка. В дальнейшем изложении мы сосредоточимся на том, чтобы раскрыть специфику одного из главных философских концептов – благополучия – в условиях социальной турбулентности.

Проблема благополучия и государство Нового времени

В эпоху Нового времени сложилась прямая взаимосвязь между благополучием и государством. Государство является главным субъектом управления благополучием и качеством жизни людей (мы будем использовать эти термины как синонимы, равно как и категорию счастья [17, р. 5]). В течение XX в. государство принимает на себя большой объем социальных обязательств, напрямую не связанных с его изначальной функцией – вооруженной борьбой, оно активно участвует в регулировании частных отношений. Государство становится «социальным»: «Сфера деятельности государства значительно расширяется за пределы вопросов собственно вооруженных сил, и граждане теперь ждут от него самой широкой защиты, разрешения споров, производства и распределения» [18]. При этом государством конструируется специфический объект управления – «население» [19, 20]. В Новое время вопрос благополучия отдельной личности отходит на второй план и перемещается в узкую область прикладной психологии. В социологии, экономике, социальной философии рассматривается, прежде всего, благополучие населения как статистической категории.

Всеохватный процесс «плавления» «твердых», устойчивых образований, о котором говорит З. Бауман, распространяется и на институт национального государства. Соответственно, ослабление современного государства [21], оказывает непосредственное влияние на благополучие людей – функции, которые государство в значительной степени монополизировало, перестают или вовсе исполняться, или исполняются ненадлежащим образом. Так, настоящей социальной и антропологической катастрофой обернулся распад СССР – люди, находившиеся под опекой государства, оказались предоставлены сами себе. Такой катастрофический сценарий реализуется нечасто, но неспособность государства как института справиться с глобальными вызовами современности становится довольно очевидным фактом: «Во всяком случае, национальные государства не способны отныне разрешить ни одну из проблем ввиду их планетарной взаимозависимости, а также ещё и потому, что они сами находятся в состоянии затяжного кризиса» [22].

Слабость национального государства наиболее ярко проявляется в феномене современного терроризма. Исторически сложившиеся механизмы обеспечения государственной и национальной безопасности были направлены на борьбу с врагом, который строго определен и стабилен во времени и пространстве. Современный терроризм имеет совершенно другую форму – это сетевые структуры, которые постоянно видоизменяются и легко переходят из положения союзника в состояние врага и обратно. Терроризм современного типа не имеет строгих очертаний и границ, он не локализован и растворен в глобальных потоках. Поэтому часто борьба с терроризмом, который позиционируется как внешний враг, оказывается борьбой государства со своими же гражданами. В отношении такого текучего, потокового по своей сути терроризма традиционные институты обеспечения безопасности зачастую оказываются неэффективны, многочисленные меры контртеррора часто ведут к ограничению различных прав граждан и причиняют просто много неудобств. Американский исследователь Б. Шнейер называет такую малоэффективную и крайне затратную деятельность государственных структур в сфере безопасности «театром безопасности» [23], подчеркивая их символический и декоративный характер.

Умелое манипулирование страхами и растерянностью рядового обывателя позволяет подспудно сворачивать проект правового государства. Так, Дж. Агамбен полагает, что переход к неправовому («чрезвычайному») режиму правления произошел в США после терактов 11 сентября [24]. В той или иной степени этот процесс происходит во всех даже в самых демократических странах. Для преодоления этой тенденции необходимо развитие такого явления, как «культура безопасности». Этот термин активно используется в последние годы в разных значениях, мы будем использовать наиболее обобщенное определение этого понятия: культура безопасности – «это идеи, привычки и социальное поведение конкретных людей или групп, которые позволяют им избегать угроз и опасностей» [25]. Формирование культуры безопасности населения позволит, с одной стороны, повысить эффективность безопасности, а с другой – уменьшить негативные последствия тех ограничений и мер контроля, которые устанавливает государство для борьбы с террором.

Культура безопасности как «забота о себе»

Понятие «культура безопасности», рассмотренное выше, содержит две базовые составляющие: 1) ценностно-когнитивную установку – нормы, идеалы, повседневные привычки и правила, которые регулируют социальное поведение людей; 2) совокупность практических навыков – знание и умение действовать в ситуации небезопасности. Важно подчеркнуть, что культура безопасности включает в себя не только систему идеальных представлений, но и способность действовать и вести себя соответствующим образом. Это позволяет нам рассмотреть феномен «культуры безопасности» в более широком контексте, как часть практики конструирования персонального благополучия.

Под благополучием мы будем понимать такое состояние жизненного мира человека, которое приближает его к счастью. Благоденствие, благополучие и счастливая жизнь в данном случае – обозначение одного и того же состояния. При этом счастье не следует трактовать как эмоциональное переживание, вслед за Аристотелем мы полагаем, что «человеческое благо представляет собой деятельность души сообразно добродетели». Аристотель неоднократно подчеркивает, что счастье – это активная деятельность, которая доставляет удовольствие сама по себе. Естественно, что эта деятельность «сообразно с добродетелями» подразумевает наличие некоторого набора обяза-

тельных «внешних благ», без которых достижение счастливой жизни просто не возможно (благополучие, здоровье, красота, семья и т. п.) [26].

Таким образом, Аристотель указывает два фундаментальных условия счастливой жизни: разумная деятельность самого человека и «благоприятные обстоятельства» его жизни. И если «благоприятными обстоятельствами», жизненными условиями государство может управлять – на это направлен проект социального государства в своей сути, то регулировать «разумную деятельность» государство не способно. В рамках данной статьи нет возможности обсуждать эту проблематику, отметим только, что делегирование функции воспитания детей формальным учреждениям (детским садам, школам, университетам) не позволяет воспроизводить образ разумной или добродетельной жизни у молодого поколения.

В связи с этим обратимся к другому понятию, восходящему к древнегреческой философии, – это понятие «заботы о себе» (или «искусства жизни»), которое воплощало набор практик и знаний, позволяющих жить счастливой жизнью. В классический период античности «забота о себе» – это прежде всего педагогическая практика, подготовка молодого человека для полисной жизни. Эта практика включала в себя интеллектуальную, моральную и телесную работу над собой [27]. В эллинистическую и римскую эпоху значение публичной жизни падает, забота о себе фокусируется на созерцательном, «философском» образе жизни. В философии стоиков забота о себе рассматривается как развитие таких качеств личности, которые возвышают над обыденным порядком вещей, позволяют обуздать страсти и желания и взглянуть на мир «чистым» взглядом с точки зрения вечной и универсальной природы [28]. Именно стоики разрабатывают набор приемов и техник, которые позволяют регулировать как деятельность души, ума, так и тела.

Таким образом, «забота о себе» – это набор ценностных установок, знаний, правил и практик, следование которым позволяет личности жить «счастливой жизнью», т. е. путь достижения благополучия. В античной философии этот путь отождествлялся с «философским» образом жизни и противопоставляется «грубому» образу жизни людей, стремящихся к наслаждению [26]. Однако в эпоху Нового времени произошла инверсия в оценке человеческих желаний – созерцательная жизнь философов и моральное осуждение страстей были подвергнуты осмеянию. В XVIII в. появляется «арифметика страстей», в которой «страсти» (которые в дискурсе того времени превращаются в «интерес», а затем в «потребности») рассматриваются как необходимое условие гармоничного социального порядка [20]. Собственно, по мнению П. Розанваллона, эта переоценка места «страстей» и желаний в жизни человека стала идеологическим основанием для возникновения «рыночного общества». Тем самым деятельностный, прагматический (с древнегреч. *pragma* – действие, дело) компонент «счастливой жизни» нивелируется. Благополучие полностью сливается с удовлетворением «потребностей» и утрачивает свой первоначальный смысл.

Заключение: «забота о себе» как жизненная стратегия

Мы начали данную статью с описания современного состояния мира и достаточно очевидной констатации того, что «знакомый мир закончился» [29]. Новый тип социальной онтологии мы предлагаем называть турбулентным обществом, т. к. основной его формой является потоковая реальность и в силу этого общество пронизано хаотическими, неконтролируемыми процессами. Эти турбулентные потоки могут привести как к новым революционным изменениям и открытию новых возможностей для человека, так и к катастрофическим последствиям. Нестабильная среда, в которую погружен со-

временный человек, продуцирует как высокие шансы, так и высокие риски. Поэтому важной задачей для социальной науки является понимание нового образа благополучия и артикуляция новых критериев «счастливой жизни».

В качестве такого нового образа мы предлагаем концепцию «заботы о себе». Эта концепция благополучия кардинально отличается от преобладающих сегодня в социальных науках утилитаристских теорий благополучия. «Забота о себе» предполагает значительную личную самостоятельную работу человека над собой, сознательное и целенаправленное конструирование собственного жизненного мира. Этот концепт играл огромную роль в эпоху античной философии, но впоследствии был прочно забыт. Вновь это понятие стало предметом интереса уже во второй половине XX в. в первую очередь в сфере прикладной психологии, педагогики и медицины. Отдельные аспекты этой проблематики активно исследуются в последнее время (например, [30–35]). Однако «забота о себе» пока не стала важной категорией для того публичного политического дискурса, прежде всего в области управления благополучием.

Современный подход к благополучию (подробный обзор представлен в работах [36–38]) основан на допущении, что факт обладания тем или иным благом (материальным или нематериальным) позволяет судить о степени благополучия человека. Однако в условиях турбулентного социума этого недостаточно – примером является ситуация с безопасностью. Безопасность – одно из основополагающих условий «счастливой жизни», защита территории и обеспечение военной безопасности исторически является главной функцией государства. Но в современных условиях реализация этой функции вступает в противоречие с другими составляющими «счастливой жизни» (например, правом на свободу – перемещения, слова и т. д.), с одной стороны, с другой – не реализуется в должной степени (неспособность справиться с новыми вызовами – современным терроризмом).

Таким образом, возникают две в равной степени неблагоприятные для отдельного человека альтернативы: 1) усиление авторитарных тенденций государственного регулирования и, как следствие, сокращение пространства свободных возможностей для человека; 2) ослабление роли государства и возрождение практики «частной безопасности», что также чревато ростом насилия и произвола, ограничением свобод людей. В качестве третьего варианта решения этой проблемы мы обращаемся к концепту «культура безопасности» как форме реализации заботы о себе. Однако развитие этой практики требует изменения подхода к проблеме благополучия в целом. Культура безопасности не сводится к строгому следованию определенному набору правил и инструкций (как это предполагает соблюдение техники безопасности). Это более сложный процесс, который порой невозможно формализовать и в котором решающую роль играют местные сообщества и «локальные» знания, а также развитие определенных личностных качеств и компетенций. Локальные знания (или метис по определению Дж. Скотта [39]) позволяют человеку наилучшим образом приспособиться к конкретным жизненным условиям и нюансам. Не случайно одна из немногих попыток преодолеть узкие рамки современных теорий благополучия, которую предпринимают С. Уайт и С. Блекмор, связана как раз с исследованием культурных аспектов благополучия на примере не-западных культур [40]. Развитие культуры безопасности предполагает несколько важных шагов – это укрепление гражданского сознания, усиления локальных сообществ и расширение определенных прав граждан, связанных с самозащитой.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринберг Р.С. Россия в турбулентном мире: вызовы и императивы: материалы к актовой лекции в Международном университете: сб. ст. – М., 25 сентября 2012. – М.: ИД Междунар. ун-та в Москве, 2012. – 68 с.
2. Данилова Е.Н. Турбулентное время... в Швейцарии // СОЦИС. – 2012. – № 3. – С. 3–5.
3. Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии // СОЦИС. – 2012. – № 4. – С. 3–7.
4. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 155–164.
5. Глейк Дж. Хаос: Создание новой науки. – СПб.: Амфора, 2001. – 398 с.
6. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 26. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – 624 с.
7. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // СОЦИС. – 2012. – № 4. – С. 8–16.
8. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 223–243.
9. Mol A. The Body Multiple. Ontology in Medical Practice. – Durham: Duke University Press, 2002. – 216 p.
10. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006. – 240 с.
11. Knorr C.K., Preda A. The Temporalization of Financial Markets: from Network to Flow // Theory, Culture & Society. – 2007. – V. 24 (7–8). – P. 116–138.
12. Whitehead A.N. Process and Reality. – N.Y.: Free Press, 1978. – 413 p.
13. Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
14. Свирский Я.И. Самоорганизация смысла: опыт синергетической онтологии. – М.: ИФ РАН, 2001. – 181 с.
15. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж. Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии. – М.: Канон+, 2004. – 384 с.
16. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
17. Understanding human well-being / Ed. by M. McGillivray, M. Clarke. – Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press, 2006. – 380 p.
18. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009. – 328 с.
19. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Колеж де Франс в 1977–1978 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
20. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: НЛЮ, 2007. – 256 с.
21. Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М.: ИСИРЭН, 2006. – 544 с.
22. Морен Э. К пропасти? – СПб.: Алетейя, 2011. – 136 с.
23. Schneier V. Beyond Fear: Thinking Sensibly about Security in an Uncertain World. – New York: Copernicus Books, 2003. – 296 p.
24. Agamben G. State of Exception. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. – 104 p.
25. Roer K. Build a Security Culture. – Ely: IT Governance Publishing, 2015. – 65 p.
26. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 832 с.
27. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
28. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М.: Степной ветер; СПб.: Коло, 2005. – 448 с.
29. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
30. Антонова В.М., Кузнецова М.Н. Забота о себе как механизм преодоления болезни // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2017. – Т. 6(1). – С. 466–467.
31. Пичугина В.К., Безрогов В.Г. Образование и забота о себе в эпоху метамодерна // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2015. – № 3 (38). – С. 116–128.
32. Козлова М.А., Кошелева Н.В. Забота о себе и о Другом как моральная установка: междисциплинарный подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2015. – № 3 (38). – С. 94–105.
33. Болотникова Е.Н. Забота о себе: между эгоизмом и альтруизмом // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 3. – № 06 (28). – С. 15–20.
34. Self-Care in the Twenty First Century: a Vital Role for the Pharmacist / J. Bell, G. Dziekan, C. Pollack, V. Mahachai // Advances in Therapy. – 2016. – № 33 (10). – P. 1691–1703.

35. Kumah E. Self-management education: a self-care intervention in healthcare quality improvement // *SelfCare*. – 2017. – № 8 (2). – P. 11–18.
36. *The Routledge Handbook of Philosophy of Well-being* / Ed. by G. Fletcher. – NY.: Routledge, 2016. – 546 p.
37. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* / Ed. by A.C. Michalos. – NY; London: Springer Reference, 2014. – 7347 p.
38. *Global Handbook of Quality of Life: Exploration of Well-Being of Nations and Continents* / Eds. W. Glatzer, L. Camfield, V. Møller, M. Rojas. – NY; London: Springer, 2015. – 894 p.
39. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга, 2005. – 576 с.
40. *Cultures of Wellbeing: Method, Place, Policy* / Eds. S.C. White, C. Blackmore. – NY.: Palgrave Macmillan, 2016. – 290 p.

REFERENCES

1. Grinberg R.S. *Rossiya v turbulentnom mire: vyzovy i imperativy: materialy k aktovoy leksii v Mezhdunarodnom universitete: sb. st.* [Russia in the turbulent world: challenges and imperatives: materials for the lecture at the International University. Proc.]. Moscow, 25 September 2012. Moscow, Moscow International University Press, 2012. 68 p.
2. Danilova E.N. Turbulentnoe vremya... v Shveysarii [Turbulent time ... in Switzerland]. *SOCIS*, 2012, no. 3, pp. 3–5.
3. Yadov V.A. Kakim mne viditsya budushchee sotsiologii [How do I see the future of sociology]. *SOCIS*, 2012, no. 4, pp. 3–7.
4. Yanitskiy O.N. «Turbulentnye vremena» kak problema obshchestva riska [«Turbulent times» as a problem of a risk society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2011, no. 6, pp. 155–164.
5. Gleyk Dzh. *Khaos: sozdanie novoy nauki* [Chaos: Creating a new science]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2001. 398 p.
6. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1977. Vol. 26, 624 p.
7. Ivanov D.V. K teorii potokovykh struktur [To the theory of flow structures]. *SOCIS*, 2012, no. 4, pp. 8–16.
8. Lo Dzh. Obekty i prostranstva [Objects and spaces]. *Sotsiologiya veshchey: sbornik statey* [Sociology of things. Collected papers]. Ed. by V. Vakhshayn. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. pp. 223–243.
9. Mol A. *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*. Durham, Duke University Press, 2002. 216 p.
10. Latur B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [There was no new time. The essay on symmetric anthropology]. St. Petersburg, EUSPb Publ., 2006. 240 p.
11. Knorr C.K., Preda A. The Temporalization of Financial Markets: from Network to Flow. *Theory, Culture & Society*, 2007, vol. 24 (7–8), pp. 116–138.
12. Whitehead A.N. *Process and Reality*. N.Y., Free Press, 1978. 413 p.
13. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p.
14. Svirskiy Ya.I. *Samoorganizatsiya smysla: opyt sinergeticheskoy ontologii* [Self-organization of meaning: experience of synergetic ontology]. Moscow, IF RAN Publ., 2001. 181 p.
15. Markova L.A. *Filosofiya iz khaosa. Zh. Delyoz i postmodernizm v filosofii, nauke, religii* [Philosophy from chaos. J. Deleuze and postmodernism in philosophy, science, religion]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004. 384 p.
16. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Flowing modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.
17. *Understanding human well-being*. Eds. M. McGillivray, M. Clarke. Tokyo; New York; Paris, United Nations University Press, 2006. 380 p.
18. Tilli Ch. *Primuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 1990–1992 gg.* [Coercion, capital and European states]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2009. 328 p.
19. Fuko M. *Bezopasnost, territoriya, naselenie. Kurs lektiy, pročitannykh v Kolezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. The course of lectures delivered at the College de France in the 1977–1978 school year]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 544 p.
20. Rozanvallon P. *Utopicheskiy kapitalizm. Istoriya idei rynka* [Utopian capitalism. History of the market idea]. Moscow, NLO Publ., 2007. 256 p.
21. Van Kreveld M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The flowering and decay of the state]. Moscow, ISIREN Publ., 2006. 544 p.
22. Moren E. *K propasti?* [To the abyss?]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2011. 136 p.

23. Schneier B. *Beyond Fear: Thinking Sensibly about Security in an Uncertain World*. New York, Copernicus Books, 2003. 296 p.
24. Agamben G. *State of Exception*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 2005. 104 p.
25. Roer K. *Build a Security Culture*. Ely, IT Governance Publishing, 2015. 65 p.
26. Aristotel. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Mysl Publ., 1983. Vol. 4, 832 p.
27. Fuko M. *Germenevtika subekta. Kurs lektiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The subject's hermeneutics: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1981–1982 school year]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 677 p.
28. Ado P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual Exercises and Ancient Philosophy]. Moscow, Stepnoy veter Publ.; St. Petersburg, Kolo Publ., 2005. 448 p.
29. Vallerstain I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [End of the familiar world: Sociology of the XXI century]. Moscow, Logos Publ., 2003. 368 p.
30. Antonova V.M., Kuznetsova M.N. Zabota o sebe kak mekhanizm preodoleniya bolezni [Self-caring as a mechanism to overcome the disease]. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 2017, Vol. 6 (1), pp. 466–467.
31. Pichugina V.K., Bezrogov V.G. Obrazovanie i zabota o sebe v epokhu metamoderna [Education and self-care in the era of metamodern]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*, 2015, no. 3 (38), pp. 116–128.
32. Kozlova M.A., Kosheleva N.V. Zabota o sebe i o Drugom kak moralnaya ustanovka: mezhdisciplinarny podkhod [Caring for yourself and for the Other as a moral attitude: an interdisciplinary approach]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*, 2015, no. 3 (38), pp. 94–105.
33. Bolotnikova E.N. Zabota o sebe: mezhdru egoizmom i altruizmom [Self-care: between selfishness and altruism]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus*, 2015, vol. 3, no. 06 (28), pp. 15–20.
34. Bell J., Dziekan G., Pollack C., Mahachai V. Self-Care in the Twenty First Century: a Vital Role for the Pharmacist. *Advances in Therapy*, 2016, no. 33 (10), pp. 1691–1703.
35. Kumah E. Self-management education: a self-care intervention in healthcare quality improvement. *SelfCare*, 2017, no. 8 (2), pp. 11–18.
36. *The Routledge Handbook of Philosophy of Well-being*. Ed. by G. Fletcher. NY., Routledge, 2016. 546 p.
37. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Ed. by A.C. Michalos. NY; London, Springer Reference, 2014. 7347 p.
38. *Global Handbook of Quality of Life: Exploration of Well-Being of Nations and Continents*. Eds. W. Glatzer, L. Camfield, V. Möller, M. Rojas. NY; London, Springer, 2015. 894 p.
39. Skott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [The good intentions of the state. Why and how projects to improve the conditions of human life failed]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005. 576 p.
40. *Cultures of Wellbeing: Method, Place, Policy*. Eds. S.C. White, C. Blackmore. NY., Palgrave Macmillan, 2016. 290 p.

Дата поступления 05.10.2017 г.